V-й годъ изданія.

СОДЕРЖАНІЕ:

№. 3. Спб. 1914. Ц. 30 к.

V-й годъ изданія.

Наша Заря

Ежемѣсячный журналъ

№ 3.

С.-Петербургъ, 1914 г

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Коммерческая Типографія" Средняя Подъяч. 4. Тел. 520-32.
1914.

надпись—дорогому П. А.—такая-то мастерская. Приносили ему и сигары, хотя онъ и не курилъ, и всякую всячину и, глядя на что-нибудь новое у него въ камерѣ, мы шутливо спрашивали—обуховскій заводъ?

И на самомъ судѣ обуховцы не только оффиціально, такъ сказать солидаризировались со своимъ депутатомъ, предъявивъ за подписями резолюцію о томъ, что „Злыдневъ творилъ ихъ волю", но и проходя передъ судомъ, какъ свидѣтели, подчеркивали достоинства П. А. О нихъ говорила и администрація завода: какой то полковникъ или генералъ, словомъ важное лицо въ администраціи, показывалъ, что при всѣхъ столкновеніяхъ съ рабочими, контора завода вела переговоры всегда съ Злыдневымъ и привыкла считаться съ нимъ, какъ съ дѣльнымъ, толковымъ рабочимъ. И любопытно отмѣтить, что самъ онъ, несмотря на увлеченіе общественною жизнью съ удовольствіемъ говорилъ о своемъ ремеслѣ токаря и очень вкусно разсказывалъ о томъ, какъ хорошо точить на хорошо прилаженномъ станкѣ.

Вспоминается мнѣ, и огромный митингъ 6-го, кажется, ноября на Обуховскомъ заводѣ. Выступали—тогда въ первые на заводѣ—лидеры с—р—овъ, со стороны с—д. Алексинскій и я, а предсѣдательствовалъ по обыкновенію Злыдневъ. Алексинскій усомнился и имѣлъ всѣ поводы къ этому—въ подлинности постановленія одного волостного схода, оглашеннаго на митингѣ, и на этой почвѣ страсти разгорѣлись, до—нельзя. Нѣкоторое время среди колоссальнаго шума и гвалта не слышно было ни слова, но П. А. скоро успокоилъ собраніе, предложивъ выбрать коммиссію для разбора инцидента. Не бѣда, говорилъ онъ мнѣ потомъ, что рабочіе такъ хлопаютъ с—рамъ, у нихъ, вѣдь, все, чего душа проситъ: и земля и воля. Идутъ-то все—таки рабочіе съ нами и за нами; мы дѣлаемъ рабочую политику.

Ссылка забросила его въ Обдорскъ, оторвала отъ станка и кипучей рабочей жизни и пришлось приноравливаться къ новымъ условіямъ. Уйти изъ ссылки и стать нелегальнымъ Злыдневу не хотѣлось: какой я профессіоналъ и нелегальный, я съ налету ничего сдѣлать не смогу, мнѣ нужно войти въ рабочую массу, сжиться съ нею, а такъ, сегодня здѣсь, а завтра тамъ—не моя это работа. Ужъ лучше выждать!...

Какъ только выбрался я изъ тюрьмы, въ октябрѣ 13 года, я тотчасъ написалъ П. А., прося сообщить о себѣ. Изъ писемъ его я узналъ, что матеріально онъ устроился недурно и начавъ службу на 20 р. окладѣ конторщикомъ, онъ теперь бухгалтеръ одной изъ крупныхъ фирмъ Омска.

Но въ двухъ полученныхъ мною письмахъ ясно сквозила неудовлетворенность жизнью. „Чорта—ли въ томъ—писалъ Злыдневъ—что я въ концѣ—концовъ устроился, развѣ въ этомъ мое дѣло"? И отвѣчая на мой вопросъ, какъ онъ относится къ текущимъ событіямъ, къ огромному подъему рабочаго движенія а вмѣстѣ съ тѣмъ къ неслыханной братоубійственной войнѣ среди с—д—овъ, Злыдневъ писалъ: хочется вмѣшаться—да во первыхъ негдѣ, а во вторыхъ боюсь, не потерялъ ли я за это время пониманія рабочаго, чувства близости и родства съ нимъ.

А это—главное, существенное. Эхъ! въ Питеръ бы теперь, на заводъ куда—нибудь.

„Насчетъ „предателей" и „измѣнниковъ" и пр. ругани, о которой и я наслыханъ—надо пренебречь. Всякіе фрукты выростали у насъ, но такой гадости я еще не видывалъ. Увѣренъ, однако, что рабочій желудокъ и ихъ переваритъ, а пролетарское дѣло выйдетъ на хорошую дорогу... О Хрусталевѣ читалъ и не такъ ужъ удивился. Помнишь, какъ мы ему не довѣряли, ждали мы отъ него многое плохое, но такой мелкой пакости не ждалъ. Погибшій онъ человѣкъ"....

Въ январѣ П. А. собирался ѣхать въ Иркутскъ и „по душамъ" потолковать обо всемъ. Судьба не захотѣла снова свести насъ! Въ ноябрѣ по глупому „недоразумѣнію" я сидѣлъ уже въ иркутской одиночкѣ и выйдя, изъ нея, я узналъ, что дорогой и славный товарищъ только что умеръ въ Читѣ.

В. Звѣздинъ.

Рабочая самодѣятельность и рабочая демагогія [1]).

Въ связи съ расколомъ во фракціи снова выплываетъ наружу старый, а для россійской соціальдемократіи все еще новый вопросъ объ интелигентской и рабочей партіи. 6 депутатовъ отъ обязательной рабочей куріи стараются вездѣ, гдѣ только можно подчеркнуть, что они, не въ примѣръ остальнымъ соціальдемократамъ, есть истинные представители пролетаріата. Имъ и только имъ пролетаріатъ поручилъ отстаивать въ Думѣ свои интересы, защищать свое право, свою честь. Свой расколъ Малиновскій и иже съ нимъ стараются представить какъ необходимость отстоять волю и желаніе рабочей массы отъ покушеній остальной интеллигентской части фракціи. Рабочіе депутаты борятся за свою самостоятельность внутри фракціи, пишетъ несвѣдущая либеральная пресса о расколѣ: къ сожалѣнію и нѣкоторые рабочіе готовы видѣть въ этомъ раскольническомъ поступкѣ куріальныхъ депутатовъ борьбу за независимость и самостоятельность рабочихъ представителей. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Вѣдь если депутаты отъ рабочихъ курій подняли знамя возстанія за свою независимость, если они искренно хотятъ высвободиться, наконецъ, изъ подъ интеллигентской опеки, стать на свои ноги, то намъ, меньшевикамъ—рабочимъ, слѣдовало бы только сказать: въ добрый часъ. Мы—смѣю думать, что не только пишущій эти строки, но и большинство меньшевиковъ рабочихъ, не раздѣляемъ возрѣній Ф. Д. и С. на вопросъ о взаимоотношеніи интеллигенціи и рабочихъ въ русской соціальдемократіи. Мы не видимъ ничего демагогическаго, ничего несоціальдемократическаго, ни-

---

Примѣчаніе редакціи: Печатая ст. Булкина, редакція помѣщаетъ отвѣтъ ему Л. М., выражающій точку зрѣнія редакціи не затронутые Булкинымъ вопросы.

чего, въ концѣ концовъ, синдикалистскаго въ томъ, что рабочіе стремятся въ своей рабочей партіи занять руководящее мѣсто. Больше того, считаемъ это явленіе вполнѣ нормальнымъ, а при настоящихъ условіяхъ даже прогрессивнымъ. Русскимъ соціальдемократамъ для подкрѣпленія своего мнѣнія часто приходится ссылаться на опытъ Западной Европы. Но все же нужно не забывать, что примѣръ Западной Европы не всегда умѣстенъ. Нельзя намъ рабски копировать Западъ. Въ каждой странѣ существуютъ и національныя и мѣстныя особенности. Вспомните, какъ неодобрительно относился Марксъ къ попыткамъ нѣмецкихъ эмигрантовъ соціальдемократовъ направить американское рабочее движеніе по образцу Германіи. Россія еще далеко не достигла той ступени экономическаго развитія, какая свойственна гигантамъ капитализма—Германіи, Англіи или хотя бы даже Франціи. Тамъ на Западѣ уже болѣе или менѣе завершился процессъ классового строенія, классового группированія. Выкристаллизованныя соціальныя противорѣчія тѣсно разграничиваютъ интересы каждаго класса, каждой соціальной группы въ отдѣльности и заставляютъ для защиты ихъ образовывать политическія партіи. Тамъ интеллигенція стоитъ подъ буржуазнымъ, враждебнымъ пролетаріату, флагомъ. Она часто поддерживаетъ крупный капиталъ, крупную буржуазію противъ рабочихъ; рѣже соблюдаетъ нейтралитетъ, и ужъ совсѣмъ рѣдко протягиваетъ руку рабочимъ. На служеніе къ западноевропейскому пролетаріату изъ рядовъ интеллигенціи идутъ только единицы—бѣлые вороны, какъ тамъ называютъ ихъ.

И понятно, что рабочему классу не опасны эти выходцы изъ буржуазной среды, эти бѣлые вороны. Прошедшій долгую школу классовой самодѣятельности, выдвинувшій изъ своихъ рядовъ такихъ незабвенныхъ, талантливыхъ личностей, какъ Бебель, Ауэръ, Шумаеръ, и др., создавшій могущественныя политическія партіи, онъ не можетъ уже сбиться съ дороги. Ничто не въ силахъ отклонить его отъ разъ намѣченной цѣли—соціализма, никто не въ состояніи заразить этотъ громадный пролетарскій организмъ, чуждымъ ему буржуазнымъ вліяніемъ. Каутскій, Адлеръ, Гэдъ и Бернштейнъ да, даже онъ,—только части самодвижущагося пролетарскаго механизма. Они растворены въ самодѣятельной пролетарской партіи, а тѣмъ самымъ, и разорвана пуповина, связывающая ихъ съ буржуазной средой. Въ Западно-европейскихъ соціалистическихъ партіяхъ нѣтъ, конечно, дѣленія на интеллигента и рабочаго, но только потому, что тамъ ни количественно, ни качественно интеллигенція не играетъ и не можетъ играть существенной роли. Настоящими политическими вождями германской рабочей партіи являются не Каутскіе, а Бебели—теперь Шейдеманы. Но такъ ли обстоитъ дѣло у насъ въ Россіи? Увы, далеко, далеко не такъ. Слабо выраженнымъ, не проникшимъ еще во всѣ поры хозяйственной жизни капиталистическимъ отношеніямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ у насъ и слабая степень классовой дифференціаціи (разслоенія) населенія.

Кадетская партія можетъ у насъ одновременно опираться и на крупную буржуазію, и на прогрессивно демократическіе слои—приказчиковъ. Ни для кого не секретъ, что русская соціальдемократія и по настоящее время пользуется среди интелли-

генціи и мелкой буржуазіи значительнымъ вліяніемъ. Для всякаго, знакомаго съ соціальнымъ составомъ избирателей въ Госуд. Думу по II-ой куріи, совершенно ясно, что полученные соціальдемократіей, по приблизительному подсчету В. Левицкаго, 43.549 голосовъ при выборахъ въ IV Гос. Думу по этой куріи, за очень малымъ исключеніемъ, голоса не рабочихъ, а буржуазной демократіи. По мнѣнію тов. С., мы должны только радоваться и гордиться тѣмъ, „что къ намъ идутъ и подъ наше знамя становятся всѣ лишенные правъ, всѣ угнетенные". Но кто въ Россіи имѣетъ права, кто въ Россіи не униженъ? Вѣдь только одно помѣстное дворянство чувствуетъ себя здѣсь прекрасно. Недовольство проникло отъ самыхъ низшихъ до самыхъ верхнихъ слоевъ населенія, отъ пролетаріата до магнатовъ капитала. И чтожъ, всей этой разношерстной толпѣ мы должны открыть двери и сказать „придите къ намъ всѣ труждающіеся и обремененные"? Но чѣмъ же мы тогда отличаемся отъ кадетовъ и въ особенности отъ народниковъ, которые могутъ со слезами на глазахъ призывать къ этому трогательному объединенію? Процитированная фраза и фактъ голосованія массы интеллигенціи за соціальдемократію показываютъ, насколько слабо выражена въ русской соціальдемократіи ея классовая сущность. Она скорѣе просто демократическая, чѣмъ выпукло классовая партія пролетаріата. Года, десятилѣтія существуетъ соціальдемократія, но нѣтъ еще рабочей партіи.

Десятки лѣтъ рабочій былъ для соціальдемократіи только опекаемымъ, несовершеннолѣтнимъ ребенкомъ. Отъ имени рабочаго класса говорила и дѣйствовала радикальная интеллигенція. Она парализовала волю и умъ рабочаго. Эта опека привела къ тому, что сознательный рабочій не воспиталъ въ себѣ пролетарской мысли и воли, превратился въ автоматъ для интеллигентскихъ вожделѣній. Русскій сознательный рабочій сошелъ со своего классоваго пути. Подъ вліяніемъ радикальной интеллигенціи, онъ подмѣнилъ свою классовую задачу фракціонной борьбой. Радикальная интеллигенція, заполнившая ряды соціальдемократіи, пользуясь своимъ культурнымъ превосходствомъ, пользуясь стихійнымъ революціоннымъ настроеніемъ рабочихъ, воспитала послѣднихъ въ духѣ любви и преклоненія предъ революціонной фразой. У нея нѣтъ ничего другого; она давала, что могла давать. И рабочій повѣрилъ въ революціонную фразу, можно сказать влюбился въ нее, совершенно забывая, что для него истинная революціонность заключается не въ фразѣ, а въ классовомъ строительствѣ пролетаріата, въ развитіи классоваго сознанія и классовой самодѣятельности рабочихъ массъ. Фракціонность—вотъ второе, еще горшее зло, которымъ наградила насъ „соціалистическая" интеллигенція. Только у насъ въ Россіи можно встрѣтить такой болѣзненный, чисто интеллигентскій фракціонный фанатизмъ у рабочихъ. На Западѣ рабочій прежде всего соціальдемократъ, а потомъ уже ортодоксъ или ревизіонистъ. У насъ же наоборотъ. На Западѣ при выборахъ ли въ профессіональный союзъ, въ правленіе ли политической партіи, въ рабочій ли секретаріатъ, въ Рейхстагъ ли, наконецъ, прежде всего цѣнится рабочій, какъ соціальдемократъ, какъ цѣнный работникъ, умѣющій постоять за интересы рабочаго класса. Тамъ ревизіонистская организація посылаетъ

въ Рейхстагъ радикала, тамъ ортодоксальная организація приглашаетъ на вакантное мѣсто секретаря ревизіониста. Всюду цѣнятся только спеціалисты, знатоки своего дѣла. Никому и въ голову не приходитъ руководствоваться при назначеніи на отвѣтственный постъ кого-либо его фракціонностью. И масса, и ея вожди въ своихъ поступкахъ исходятъ изъ интересовъ обще пролетарскихъ, а не частныхъ фракціонныхъ. У насъ, конечно, все шиворотъ навыворотъ.

Господствующая фракція проведетъ въ Думу не лучшаго рабочаго, не лучшаго защитника интересовъ рабочихъ, а заядлаго фракціонера. Какое кому дѣло, что въ Думѣ онъ окажется молчальникомъ какое кому дѣло, что онъ не можетъ использовать Думу для усиленія вліянія рабочаго класса, укрѣпленія его организацій. Зато онъ большевикъ, онъ не усилитъ вліянія меньшевиковъ—а это одно уже много, черезъ чуръ даже много значитъ. Проигрываетъ же при этомъ конечно пролетаріатъ. Зачѣмъ же мы призывали рабочихъ въ участію къ выборахъ?. Какое дѣло широкимъ массамъ до нашихъ фракціонныхъ разногласій, какое имъ дѣло до большевиковъ и меньшевиковъ? Имъ нужно, чтобы депутаты отстаивали въ Думѣ обще пролетарскую политику. А вотъ новые недавніе перлы нашей фракціонности. Молодое, только что пустившее ростки въ рабочей массѣ, профессіональное движеніе, казалось бы, могло насъ всѣхъ объединить. Всѣмъ намъ, и темнымъ несознательнымъ рабочимъ, и народникамъ и большевикамъ, и меньшевикамъ одинаково туго приходится отъ капитала. Газеты ежедневно приносятъ извѣстія о нашихъ пораженіяхъ. Каждому ясно, что сильному, сплоченному, организованному капиталу должна быть противопоставлена не менѣе сильная, сплоченная профессіональная организація. Всѣ мы казалось должны были бы дорожить и заботится о нашихъ профессіональныхъ организаціяхъ, вмѣстѣ трудиться надъ укрѣпленіемъ существующихъ и бороться за свободу союзовъ, безъ которой немыслимы сильныя профессіональныя организаціи. Но не такъ представляютъ себѣ дѣло зараженные фракціонной болѣзнью, ослѣпленные фракціоннымъ фетишизмомъ, потерявшіе свое классовое чутье въ мусорѣ радикальныхъ фразъ нѣкоторые „сознательные" рабочіе. Для нихъ бороться за свободу союзовъ, значитъ отказаться отъ марксизма, итти нога въ ногу съ либерализмомъ.

Какое имъ дѣло, что въ свое время западно-европейскіе рабочіе боролись за свободу коалиціи, видѣли въ ней не буржуазное, а свое пролетарское дѣло; какое имъ дѣло, что ни одинъ сознательный ортодоксальный рабочій Германіи не можетъ понять, почему борьба за свободу союзовъ есть либерализмъ, и настойчиво твердитъ—что это наша пролетарская задача. У насъ вѣдь свое самобытное интеллигентское, а не пролетарское, толкованіе марксизма. Классовой инстинктъ нашему „сознательному" рабочему ничего не говоритъ, онъ потерялъ свою волю, автоматически повторяетъ избитыя радикальныя, интеллигентскія фразы, вмѣстѣ съ анархистами твердитъ: все или ничего. Вооружившись этимъ дешевымъ, сильно устарѣвшимъ оружіемъ, онъ борется, мѣшаетъ, всѣми силами препятствуетъ настоящей пролетарской борьбѣ—борьбѣ за свободу со-

юзовъ. И ему удалось дезорганизовать коалиціонную кампанію. Но не за счетъ своего оружія онъ побѣдилъ. Вѣдь это было разрушеніе, а не созиданіе; давно извѣстно,—что разрушать куда легче, чѣмъ созидать. Ослѣпленные фракціонеры идутъ дальше. Потерявшіе разсудокъ, запуганные словомъ „ликвидаторъ", загипнотизированные, они не разбираютъ уже ничего, и на алтарь своей фракціонности несутъ и закалываютъ новыя жертвы: существующія профессіональныя и просвѣтительныя организаціи. Всякому маломальски знакомому съ теоріей и практикой профессіональнаго движенія извѣстно, что тутъ не можетъ быть никакихъ разногласій между большевиками и меньшевиками. Всякому ясно, какъ дороги и неоцѣнимы для профессіональной организаціи старые, опытные, дѣятельные работники. И меньшевики рабочіе строго соблюдали эти истины. Всякому также извѣстно, что вынесшимъ въ значительной степени на своихъ плечахъ, оберегавшимъ въ трудную годину реакціи профессіональное движеніе и отъ апатіи рабочихъ массъ, и отъ полицейскихъ преслѣдованій меньшевикамъ чужда была фракціонная политика. Имѣя большинство въ районахъ, они выбирали большевиковъ въ центральное правленіе; имѣя большинство въ центральномъ правленіи, они выбирали на отвѣтственный постъ секретаря большевика.

Но измѣнились времена. Лучшая часть профессіональныхъ работниковъ меньшевиковъ волею судебъ пребываетъ—кто заграницей, кто въ ссылкѣ, кто въ тюрьмѣ.

Новый элементъ, вошедшій въ профессіональные союзы лишь въ послѣднее время—въ періодъ новаго расцвѣта промышленности и оживленія рабочаго движенія, не знакомъ ни съ практикой, ни съ исторіей, ни съ традиціями профессіональнаго движенія. А демагоги между тѣмъ не дремлютъ и пользуются удобнымъ случаемъ нанести новый ударъ рабочему классу. Фракціонное чудовище требуетъ все новыхъ и новыхъ жертвъ. Ему мало, что посѣяна вражда и рознь въ политическихъ организаціяхъ. И вотъ его агенты работаютъ въ профессіональныхъ союзахъ, вооружаютъ одну часть рабочихъ противъ другой. Демагоги не стѣсняются, въ ихъ изображеніи „ликвидаторъ"—это классовый врагъ рабочихъ. Льются помои на голову лучшихъ рабочихъ, играютъ на темнотѣ и несознательности рабочихъ. Дѣло сдѣлано, успѣхъ обезпеченъ. Въ одинъ прекрасный день наверху одного изъ самыхъ старыхъ и сильныхъ профессіональныхъ союзовъ—металлистовъ—взвился фракціонный большевистскій вымпелъ. Демагоги радуются, ликвидаторы разгромлены, лучшіе работники устранены отъ работы. Радуются и большевики рабочіе, и въ ослѣпленіи не видятъ, что профессіональный союзъ бьется въ судорогахъ, что они сами собственными руками вонзили кинжалъ въ сердце союза. Въ этотъ день положенъ конецъ единству профессіональнаго движенія, а значитъ и его силѣ, его росту.

Изъ рукъ рабочаго класса фракціонеры выбили одно изъ самыхъ сильныхъ оружій пролетаріата въ борьбѣ съ капиталомъ: сплоченный и сильный единствомъ профессіональный союзъ. Рабочіе этого не забудутъ. Этотъ день былъ однимъ изъ самыхъ позорныхъ дней въ исторіи рабочаго движенія Россіи.

Какое еще нужно доказательство того, насколько вредно отражается на судьбахъ рабочаго движенія руководящая роль интелигенціи въ рядахъ соціальдемократіи. Кому еще не ясно, что сознательный большевикъ рабочій сошелъ съ своего классового пути и предаетъ интересы рабочаго класса во имя интересовъ своей фракціи. А что интересы класса и фракціи не совпадаютъ, это видно хотя бы изъ вышеописанныхъ примѣровъ. Классу важно прежде всего, чтобы союзъ былъ единъ—фракціи, чтобы онъ былъ фракціоннымъ.

Мнѣ скажутъ, что у насъ не только интеллигенція, но и рабочіе фракціонны. Не оспариваю этого. Узкая конспиративная организація по существу своему враждебна классовой самодѣятельности. А традиціи прошлой чисто интеллигентской соціальдемократіи, психологія настоящаго полуинтеллигентскаго по своему вліянію подполья, безусловно накладываютъ отпечатокъ на многихъ сознательныхъ рабочихъ. Русскій сознательный рабочій еще и теперь не окончательно отрѣшился отъ рабской психологіи, и часто безъ всякого критическаго анализа на вѣру принимаетъ слова новаго барина-интеллигента. Еще хуже дѣло обстоитъ среди полусознательныхъ и совершенно несознательныхъ рабочихъ. Мнѣ, да и многимъ, вѣроятно, приходилось встрѣчать какого либо Ѳому или Ерему, совершенно несознательнаго, часто даже неграмотнаго рабочаго. Этотъ рабочій совсѣмъ не разбирается въ вопросахъ классовой политики, теорія классовой борьбы для него недоступная книга. Но онъ по своему преданъ соціальдемократіи, онъ энергиченъ. И посмотришь, для чего использована у насъ энергія этого неграмотнаго, неразбирающагося рабочаго. Вонъ онъ стоитъ посреди кучки такихъ же, какъ и онъ, несознательныхъ рабочихъ и ораторствуетъ. Толпа жадно внимаетъ. Казалось бы, о чемъ можетъ говорить этотъ несознательный рабочій? Но онъ говоритъ, говоритъ горячо и увлекательно о классовыхъ врагахъ пролетаріата. Кто же въ его представленіи врагъ рабочихъ—правительство, буржуазія? Нѣтъ, меньшевики—ликвидаторы. Со всей силой, со всей своей страстностью и подкупающей искренностью онъ обрушивается на меньшевиковъ рабочихъ. Изъ устъ этого оратора то и дѣло вылетаютъ энергичныя фразы: „предатели рабочихъ", измѣнники, слуги хозяевъ, буржуазіи. Они, т. е. мельшевики рабочіе, хотятъ уничтожить соціальдемократію и просить правительство открыть новую партію. И окружающіе въ знакъ согласія со словами оратора киваютъ головами . . . Въ сторонѣ стоятъ истинные вдохновители этого Ѳомы—Каменевы, Зиновьевы, и отъ удовольствія потираютъ руки. Они прекрасно поняли, что этотъ Ѳома можетъ оказаться весьма цѣннымъ орудіемъ ихъ фракціонныхъ вожделѣній, недаромъ они такъ старались надъ его воспитаніемъ и просвѣщеніемъ, недаромъ они постарались провести этого несознательнаго рабочаго въ комитетъ. Такъ подпольная, интеллигентская по своему вліянію, соціальдемократія воспитываетъ изъ рабочихъ не борцовъ за классовые интересы пролетаріата, а узкихъ фанатиковъ—фракціонеровъ.

И виною здѣсь, конечно, не злая воля Зиновьевыхъ и Каменевыхъ, а желѣзная логика подполья, изолирующаго своихъ обитателей отъ живой общественной жизни и пріучающаго ихъ

ставить свои кружковые интересы и переживанія выше реальной политической работы. И не только несознательные Ѳомы и Еремы, но и цѣлый рядъ широко образованныхъ, могущихъ быть украшеніемъ даже для западно-европейскихъ партій, рабочихъ, вращаясь въ пропитанной фракціонной атмосферой организаціи, отдаютъ свои силы, свой умъ, свою энергію и знаніе на служеніе фракціонному Молоху. Сотни лучшихъ рабочихъ ежемѣсячно вырываются изъ рядовъ пролетаріата и наполняютъ собою тюрьмы, идутъ въ ссылку, идутъ на поселеніе, идутъ на каторгу не за то, что они служили интересамъ своего класса, развивали его сознаніе, укрѣпляли его мощь, не за то, что они боролись съ правительствомъ, съ буржуазіей, а за то, что они боролись съ рабочими меньшевиками, или наоборотъ. Возможно что либо подобное на Западѣ? Можно ли при такихъ условіяхъ закрывать глаза на интеллигентскую опасность въ русской соціальдемократіи. Соціальдемократія, строго классовая партія, защитница интересовъ пролетаріата; развитіе классоваго сознанія пролетаріата, развитіе его самодѣятельности и группированіе его въ классовую партію она считаетъ своей главнѣйшей задачей. И поскольку интеллигенція бозсознательно мѣшаетъ выполненію этой исторической задачи, мы не можемъ быть равнодушными, мы должны активно вмѣшиваться въ ходъ событій, и взять бразды правленія съ собственныя руки. Борьба идетъ не противъ отдѣльнаго интеллигента, не противъ отдѣльнаго инженера, адвоката, редактора и т. п., борьба происходитъ за то, чѣмъ должна быть соціальдемократія: классовой ли рабочей партіей или интеллигентской сектой, хотя бы и группирующей вокругъ себя рабочихъ. До сего времени пролетаріатъ поддерживалъ соціальдемократію лишь въ качествѣ наиболѣе демократической партіи, но никогда не считалъ ее своей собственной партіей. Въ ряды соціальдемократіи входили только отдѣльные представители рабочаго класса, совершенно растворяясь въ этой радикальной интеллигентской организаціи, подчиняясь ея вліянію. Но, по мѣрѣ роста классоваго сознанія пролетаріата, пробуждалось среди соціальдемократическихъ рабочихъ какое то инстинктивное недовѣріе къ интеллигенціи. Вѣдь если о исторіи соціальдемократіи говорятъ, что это исторія фракціонной борьбы, то съ такимъ же правомъ о ней можно сказать, что это непрерывная борьба рабочихъ съ интеллигенціей внутри соціальдемократіи за власть, за превращеніе соціальдемократіи въ рабочую партію. Эта борьба, начатая вскорѣ же послѣ образованія соціальдемократіи, то затихая на время, то разгораясь съ новой силой, продолжается и до нашихъ дней. Обыкновенно знамя возстанія поднимали наиболѣе сознательные рабочіе, но попытки ихъ всегда подавлялись въ самомъ зародышѣ. Борьба съ чрезмѣрнымъ интеллигентскимъ вліяніемъ внутри соціаль-демократіи, призывъ къ рабочей самодѣятельности объявлялись—синдикалистскими; самихъ рабочихъ—иниціаторовъ этой кампаніи клеймили, какъ демагоговъ. Но вотъ въ 1906—07 году, въ связи съ выступленіемъ извѣстнаго вождя меньшевизма П. Б. Аксельрода, открыто признавшаго, что соціаль-демократія есть партія родикальной интеллигенціи, а не рабочихъ, и призывавшаго къ построенію рабочей партіи, лозунгъ самодѣятельность рабочихъ дѣлается

популярнымъ. Меньшевики рабочіе начинаютъ подготовительныя работы къ созыву рабочаго съѣзда; ихъ самоотверженно поддерживаетъ большинство меньшевистской интеллигенціи; среди большевистскихъ рабочихъ замѣтно колебаніе, и только большевистская интеллигенція дружно выступила на защиту старой социальдемократіи. Разразившаяся реакція сдѣлала немыслимымъ какое бы то ни было проявленіе общественной самодѣятельности. Вмѣстѣ съ многими вопросами русской общественности, временно сошелъ со сцены и вопросъ о рабочемъ съѣздѣ.

Товар. С. заявляетъ, что соціальдемократія „въ своихъ собсобственныхъ рядахъ не признаетъ раздѣленія на рабочихъ и не рабочихъ". Для Запада это утвержденіе пожалуй будетъ вѣрно, и мы говорили выше, почему.

Зато для Россій оно безусловно невѣрно. Вѣдь, что изъ себя представляла агитація за созывъ рабочаго съѣзда, какъ не ту же борьбу рабочихъ съ интеллигентскимъ вліяніемъ внутри соціальдемократіи? Вѣдь конечная цѣль рабочей агитаціи за съѣздъ была или созданіе особой рабочей партіи помимо соціальдемократіи, или превращеніе послѣдней изъ интеллигентской въ самодѣятельную пролетарскую партію. И при той и при другой постановкѣ вопроса всѣ защитники рабочаго съѣзда одинаково исходили изъ того, что соціальдемократствующая интеллигенція мѣшаетъ развитію и проявленію классовой самодѣятельности пролетаріата. Какъ видите, тов. С., былъ моментъ, когда огромная часть соціальдемократовъ признавала эту разницу между рабочими и не рабочими. Да помнится, что и вы были тогда въ числѣ защитниковъ рабочаго съѣзда, т. е. въ числѣ признававшихъ эту разницу, вмѣстѣ съ ними боролисьза рабочую партію.

Что же измѣнилось съ тѣхъ поръ? Какъ и тогда, въ Россіи нѣтъ еще самодѣятельной пролетарской партіи. Вмѣсто единой большой соціалистической подпольной секты, гдѣ боролись лишь два направленія—меньшевики и большевики, теперь существуетъ нѣсколько самостоятельныхъ маленькихъ подпольныхъ сектъ. Подполье сузилось, его вліяніе на рабочихъ уменьшилось. Всѣ вмѣстѣ взятыя существующія теперь подпольныя организаціи не представляютъ и $^{1}/_{10}$ той силы, которая присуща была подполью 1906-07 года. Вліяніе интеллигенціи попрежнему въ этихъ организаціяхъ преобладающее. По прежнему защита интересовъ пролетаріата, борьба за его организацію подмѣнены фракціонной междоусобицей. Насколько соціальдемократія еще интеллигентская организація, видно опять таки изъ фактовъ послѣдней избирательной кампаніи. Избирательная кампанія одинъ изъ самыхъ удобныхъ поводовъ для политическаго выступленія пролетаріата, одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ для его классового самоопредѣленія. Тутъ должно было быть выдвинуто одно изъ кардинальнѣйшихъ требованій пролетаріата въ настоящій моментъ—свобода коалицій и на немъ сосредоточено все вниманіе. Мы должны были мобилизовать всѣ свои силы, требовать отъ буржуазіи, чтобы въ Думѣ она поддержала это требованіе нашихъ депутатовъ. По ироніи судьбы мы сами разодрались именно изъ за лозунга свободы коалицій. Вмѣсто политической кампаніи выборы въ Думу превратились въ фракціонное заушеніе. Еще разительнѣе примѣръ съ кандидатами въ выборщики.

В. Левицкій съ радостью констатируетъ, что при выборахъ въ 4 Думу соціальдемократія выставляла кандидатами по II гор. куріи рабочихъ и приказчиковъ. Но увы! изъ 53 случаевъ самостоятельнаго выступленія соціальдемократіи, считая въ среднемъ на каждое выступленіе по 2 кандидата, т. е. изъ 106 соціальдемократическихъ кандидатуръ ему удалось зарегистрировать рабочихъ и приказчичьихъ только 15 (14%). Мало, очень, мало для рабочей партіи. Гдѣ же здѣсь мѣсто самодѣятельности пролетаріата? Видимо въ рядахъ соціальдемократіи все осталось по старому, она, какъ была интеллигентской по своему вліянію, по своей психологіи, такъ и осталась. И это нужно смѣло признать, не боясь того, что скажетъ по этому поводу княгиня Марья Алексѣевна—буржуазная печать.

Ну, а если все осталось по старому внутри соціальдемократіи, то по прежнему будетъ вестись и борьба рабочихъ за превращеніе соціальдемократіи въ рабочую партію. Рѣчь идетъ конечно не о простой замѣнѣ Зиновьева Ѳомою, не просто мозолистая рука смѣняетъ бѣлоручъу. Вопросъ куда сложнѣе. Для насъ центръ тяжести, вся суть вопроса въ томъ, чтобы смѣнившія лица могли смѣнить и политику и направленіе соціальдемократіи. Мы хотимъ, чтобы превращенная въ рабочую, соціальдемократія сумѣла бы ликвидировать фракціонность во имя фракціонности, сумѣла бы отказаться отъ преклоненія предъ радикальной фразой, поставила во главу угла своей дѣятельности развитіе самодѣятельности рабочаго класса, организацію пролетаріата въ единую партію. Словомъ мы хотимъ, чтобы рабочая партія ставила интересы рабочаго класса выше интересовъ своей фракціи, своего кружка, своей секты.

Имѣются ли въ наличности въ рабочемъ классѣ силы, способныя выполнить эту программу. Да, имѣются. Они находятся за дверьми подполья, внѣ официальной соціальдемократіи, въ легальномъ рабочемъ движеніи. Легальное рабочее движеніе развивалось подъ лозунгомъ самодѣятельности рабочихъ, оно не находилось подъ вредной опекой интеллигенціи, рабочіе тамъ не принижены такъ, какъ въ подпольѣ и сумѣютъ постоять за себя. Пусть раскольникамъ и демагогамъ удалось внести сюда дозу фракціоннаго яда, пусть имъ удалось привлечь на свою сторону легальныя организаціи. Побѣда эта временная. Рабочіе скоро на своей спинѣ почувствуютъ весь вредъ раскольнической политики и повернутся спинами къ нынѣшнимъ руководителямъ. Нельзя долго кормить легальное рабочее движеніе вреднымъ суррогатомъ классовой политики—фракціонностью. Рабочимъ, организованнымъ въ профессіональные союзы, просвѣтительныя организаціи, больничныя кассы, нужна и положительная программа дѣйствій. А ее то и не смогутъ дать фракціонные демагоги. Въ запасѣ у нихъ нѣтъ ничего, кромѣ хлесткихъ революціонныхъ фразъ. Да, практическая дѣятельность, дѣйствительное проведеніе классовой политики находится въ прямомъ противорѣчіи съ ихъ фракціонными интересами. Правда, правдисты всячески подлаживаются подъ настроеніе этихъ рабочихъ. Они заговорили о популярной-литературѣ, популярно ведутъ свою га-

зету, вездѣ стараются подчеркнуть, что въ отличіе отъ меньшевиковъ они являются настоящей рабочей фракціей. Но вѣдь мало сказать, нужно на дѣлѣ показать и зарекомендовать себя защитникомъ пролетарской самодѣятельности. А то иначе можетъ получиться конфузъ. При внимательномъ осмотрѣ окажется, что подъ грязной рабочей блузой стоитъ заправскій ряженный интеллигентъ.

Мало повторять „мы рабочіе“ и говорить о самодѣятельности; нужно сознательнымъ рабочимъ перестать ждать, когда интеллигенція расчиститъ имъ путь, а теперь же приняться за созданіе условій, въ которыхъ могла бы развиваться самодѣятельность рабочихъ массъ. По мѣрѣ того, какъ усиливается біеніе пульса общественной жизни, массы приходятъ въ движеніе. И дѣло рабочей интеллигенціи придать этому движенію плоть и кровь, создать и укрѣпить тѣ учрежденія, которыя могутъ служить ему опорнымъ пунктомъ, вдохнуть въ нихъ пролетарскій духъ и путемъ живой и плодотворной дѣятельности пріобрѣсти довѣріе массъ и стать истинными руководителями рабочаго движенія и будущей рабочей партіи. И путь, на который мы призываемъ встать рабочую интеллигенцію, такимъ образомъ діаметрально противоположенъ тому, на который вступили Малиновскій и его товарищи: они желаютъ сплотить рабочихъ не вокругъ классовой работы, а вокругъ фракціи, и покрываютъ авторитетомъ рабочихъ представителей разгромъ и дезорганизацію рабочихъ учрежденій и организацій во имя подавленія ликвидаторства. Тамъ царитъ рабочая демагогія во имя торжества фракціоннаго кружка Ленина и Малиновскаго, здѣсь объединеніе рабочей интеллигенціи во имя торжества пролетарскаго дѣла.

Булкинъ.

Отвѣтъ Булкину.

Тов. Булкинъ является однимъ изъ видныхъ представителей пролетарской интеллигенціи, созданной развитіемъ рабочаго движенія въ прошломъ десятилѣтіи. Это обстоятельство даетъ основаніе думать, что выражаемые имъ взгляды могутъ встрѣтить сочувственный откликъ среди передовыхъ рабочихъ. Именно поэтому мы не можемъ оставить ихъ безъ возраженія. Ибо даваемая имъ постановка вопроса теоретически невѣрная, фактически не обоснованная и практически — безплодная, не можетъ дать передовымъ рабочимъ надежнаго компаса для выхода изъ тѣхъ дебрей, въ которыя заведено движеніе ихъ класса.

Русская демократическая интеллигенція, ходомъ исторіи брошенная въ объятія соціализма и вынужденная идти къ пролетаріату, создала соціалдемократическую партію по своему образу и подобію, придала ей опредѣленныя организаціонныя

формы и наложила печать своего вліянія на содержаніе ея дѣятельности. Это—историческій фактъ. Констатируя его, т. Булкинъ движется въ кругу традиціонныхъ представленій „меньшевизма“.

Онъ выходитъ изъ этого круга, когда задачу преодолѣнія „фракціонной“, сектантской стадіи соціалдемократическаго движенія пытается рѣшить въ плоскости борьбы рабочихъ за отстраненіе „интеллигентовъ“ отъ руководящаго вліянія на ходъ рабочаго движенія. Это значитъ—рубить сучья, не трогая корней. Выходя въ этомъ пунктѣ изъ круга „меньшевистскихъ“ идей, т. Булкинъ возвращается къ элементарной позиціи „Рабочей Воли“, комитетскихъ „оппозицій“ 1902—3 гг. „Харьковскаго пролетарія“, Бойкова („Кузнеца“) и другихъ рабочихъ той эпохи, потому именно и стертыхъ, какъ особое теченіе, „искровствомъ“ — этой интеллигентски — окрашенной формой соціал-демократизма, что, при всей своей исторической ограниченности, „искровство“ лучше, полнѣе и шире выражало (или отражало) потребности классоваго движенія пролетаріата, чѣмъ упомянутыя группы, пытавшіяся маленькими средствами сектантскаго арсенала рѣшить большую политическую задачу.

Русское общество не дифференцировано въ достаточной мѣрѣ, заявляетъ тов. Булкинъ, а потому интеллигенція — слой мелкобуржуазный — можетъ въ значительной своей части стать подъ знамя соціалдемократіи. Совершенно вѣрно. Но т. Булкинъ не видитъ, къ какимъ выводамъ обязываетъ его это положеніе.

Недифференцированность общества выражается не только въ возможности для массовой интеллигенціи „заражаться“ соціалистическими настроеніями. Она находитъ свое выраженіе также и въ соціально-политической физіономіи русскаго рабочаго. И при томъ въ двухъ смыслахъ. Во первыхъ—это особенность Россіи — русскій рабочій, въ общемъ и цѣломъ, сильно пропитанъ настроеніями и предрасположеніями, вытекающими изъ не вполнѣ порванной соціальной связи съ *крестьянствомъ*. Во вторыхъ — и здѣсь черты русскаго рабочаго схожи съ чертами пролетарія въ нѣкоторыхъ другихъ, менѣе дифференцированныхъ странахъ какъ Франція, — во вторыхъ, русскій рабочій на нынѣшней стадіи классоваго своего развитія упрощенно, по сектантски мыслитъ свой классовый антагонизмъ съ буржуазнымъ обществомъ и свою классовую борьбу съ нимъ (предрасположеніе къ бланкизму, анархизму и синдикализму).

Если русская демократическая интеллигенція создала с.-д. партію по своему образу и подобію, то создавала она эту партію изъ матеріала, даваемаго русскимъ рабочимъ классомъ, опредѣленными очень широкими его слоями.

„Большевизмъ“ не былъ „привитъ“ къ русскому рабочему движенію. Онъ привился къ нему, найдя въ немъ благопріятную почву для своего развитія. Эволюція одного крыла „искровства“ къ „послѣдовательному марксизму“ нашихъ дней происходила въ процессѣ приспособленія чисто-интеллигентской идеологіи „профессіональныхъ революціонеровъ“ къ психологіи опредѣленныхъ низовъ пролетаріата.

Нельзя игнорировать такихъ фактовъ, какъ прочное и долговременное господство „большевизма“ въ с.-д. организаціяхъ Иваново-Вознесенска, подмосковнаго раіона, Урала. Здѣсь менѣе,

чѣмъ гдѣ либо въ Россіи (кромѣ Донецкаго бассейна), менѣе, чѣмъ даже на Кавказѣ и въ Ригѣ, рабочій составъ организацій былъ смѣшанъ съ «интеллигенціей». Здѣсь партійная самодѣятельность не была скована опекой интеллигентовъ. Въ 1905 году Иваново-вознесенская организація была единственной (кромѣ окраинъ), въ которой членскіе взносы рабочихъ составляли большую половину бюджета организаціи. А, между тѣмъ, и тогда, и послѣ указанные районы неизмѣнно давали ультра-большевистскій типъ соціалдемократовъ.

Беспорно, этотъ самый типъ одной изъ основныхъ чертъ своихъ имѣетъ ту степень политической и культурной *пассивности*, при которой опека надъ этимъ слоемъ рабочихъ со стороны посторонняго пролетаріату общественнаго слоя является почти неизбѣжной. Въ этомъ смыслѣ опять таки интересенъ примѣръ Иваново-Вознесенска. Съ самаго зарожденія с.-д. кружкового движенія въ этомъ центрѣ въ 90-хъ гг. оно было пропитано сильнымъ стремленіемъ къ организаціонной самостоятельности, къ «чисто-рабочему» характеру движенія. И, какъ указано выше, мѣстныя условія ослабляли здѣсь непосредственное вліяніе «интеллигенціи». И что-же? Высланные и разбредшіеся по разнымъ концамъ Россіи «иваново-вознесенцы» стали въ концѣ 90-ыхъ годовъ нарицательнымъ именемъ для особаго, почвеннаго, анти-интеллигентскаго теченія въ рабочей средѣ, выдвигавшаго всюду стремленіе къ независимости движенія отъ интеллигентовъ. Отъ „иваново-вознесенскаго толка" пошла на югѣ струя анти-интеллигентскаго „Харьковскаго пролетарія" и первой открытой рабочей организаціи въ Россіи („Общество взаимопомощи" въ Харьковѣ). А на мѣстѣ, въ самомъ Ив.-Вознесенскѣ, съ вовлеченіемъ въ движеніе массъ, создался, при почти полномъ отсутствіи непосредственнаго вліянія интеллигентовъ, одинъ изъ очаговъ рабочаго „большевизма", слѣпо повинующагося идейной диктатурѣ Парижа, Кракова или Петербурга.

Опека интеллигенціи, говоритъ т. Булкинъ, привела къ тому, что пролетаріатъ „не воспиталъ въ себѣ пролетарской мысли и воли". Но, вѣдь, можно сказать и на оборотъ: отсутствіе самостоятельной мысли и воли, отсутствіе классоваго воспитанія сдѣлало возможной и при данныхъ историческихъ условіяхъ неизбѣжной опеку интеллигенціи. Здѣсь причина переплетается съ слѣдствіемъ, между ними происходитъ взаимодѣйствіе, обусловленное факторомъ, питающимъ и причину, и слѣдствіе—малой дифференцированностью общества. Съ своей односторонней постановкой вопроса т. Булкинъ опоздалъ на 10 лѣтъ. Въ былыя времена на лицо былъ очевидный фактъ: громадная сила интеллигентской организаціи, давящая на передовой слой рабочихъ всей своей коллективной массой, несомнѣннымъ и значительнымъ теоретическимъ превосходствомъ, несомнѣннымъ перевѣсомъ политической умѣлости; даже специфическій литературный жаргонъ революціонной интеллигенціи, жаргонъ резолюцій и передовицъ, представлялъ собой факторъ, обезличивающій преобладающее вліяніе за посвященными. Эта большая сила парализовала процессъ политическаго самоопредѣленія передовыхъ рабочихъ, развитіе навыковъ къ коллективной самодѣятельности. Но, вѣдь, послѣ 1907 года всѣ эти условія исчезли совершенно. Въ теченіе долгаго времени «начальство ушло изъ нашего рабочаго движенія. Революціонная интеллигенція разъѣхалась. Былъ періодъ, когда этотъ уходъ интеллигенціи ощущался рабочими не какъ благо, а какъ большое зло. 5 лѣтъ назадъ рабочіе кружки и союзы готовы были *платить* «профессіоналамъ» за то, чтобы они не уходили отъ движенія. За этотъ періодъ, казалось бы, слѣды зависимости пролетарскаго авангарда отъ долго опекавшей его интеллигенціи должны были бы стереться. И они значительно стерлись для части пролетаріевъ, — для той его части, которая носитъ названіе «ликвидаторской». Но для другой части часъ освобожденія еще не наступилъ. И причины этого приходится искать не въ обратномъ пришествіи «интеллигенціи», какъ опекающаго слоя, что, повидимому, думаетъ т. Булкинъ. Такого „второго пришествія" нѣтъ. Гдѣ та „большевистская" интеллигенція, которая теперь, въ наши дни, сидѣла бы на плечахъ большевистской части пролетаріата, какъ сплоченный общественный слой? Ея нѣтъ: большевистская интеллигенція ушла отъ „ленинизма". Ушли Богдановы, Луначарскіе, Рожковы, Покровскіе, Базаровы и мн. другіе; даже Алексинскіе отъ него ушли. Побѣды „Правды" надъ организованнымъ рабочимъ движеніемъ не суть побѣды какого-нибудь слоя интеллигенціи съ опредѣленной стройной идеологіей. Вѣдь, для этихъ побѣдъ то и характерно, что кучка людей въ буквальномъ смыслѣ слова безъ имени или съ именами неудобо - называемыми, кучка, представляющая собой не интеллигенцію, а скорѣе интеллигентскій люмпенъ-пролетаріатъ, беретъ въ руки палку и становится „капраломъ", имѣя въ качествѣ идейнаго знамени имя одного интеллигента—Ленина. Но, если она, взявъ палку, могла стать капраломъ, значитъ, была—въ большевистской части пролетаріата—потребность въ такой палкѣ и въ такомъ капральствѣ. Вѣдь, чтобы въ своемъ родѣ сознательные рабочіе „приняли" все, что имъ навязываютъ эти капралы, приняли даже пресловутаго „икса", въ качествѣ командира, — для этого нужно было, чтобы эти рабочіе *жаждали* „крѣпкой власти" надъ собой. Пусть это будетъ жажда интеллигентской власти — по старой памяти о лучшихъ дняхъ интеллигентской власти,—но на дѣлѣ они удовлетворили свою жажду, получивъ диктатуру не интеллигенціи, какъ цѣлаго обширнаго слоя, а отдѣльныхъ, повторяемъ, скорѣе люмпенскихъ кружковъ, откровенно-демагогическихъ и свободныхъ отъ „идеализма", характернаго для русской революціонной интеллигенціи. И тов. Булкину надо было бы не изображать положеніе дѣлъ въ современномъ рабочемъ движеніи въ краскахъ 1904—6 гг., а поставить себѣ прежде всего вопросъ: какія спеціальныя причины — на фонѣ несамостоятельности классоваго мышленія, укрѣпленной годами интеллигентской опеки—вызвали такую сильную тягу части пролетаріата къ новому „начальству", къ новой „сильной власти".

Если-бъ тов. Булкинъ этотъ вопросъ поставилъ и на него отвѣчалъ безъ предвзятаго мнѣнія, онъ долженъ былъ бы сказать: то романтически, бунтарски настроенная часть пролетаріата возмутилась противъ „ликвидаторовъ", противъ обнаружившейся въ рабочемъ движеніи 1907—11 гг. европейской соціалдемократи-

ческой струи, против начавшагося строительства „открытой рабочей партии“ марксистки-воспитанными элементами пролетариата.

Против *вас* т. Булкин, против вас и подобных вам руководителей рабочаго движения последних лет направлен этот „бунт“, и он имеет свои глубокие корни. Вы не смотрите на то, что сбитый „правдизмом“ с толку рабочий—романтик проклинает Потресова, обвиняет „изменником“ Череванина, грозится убить Ежова и т. д., никогда, быть может, не читая этих писателей: романтизм всегда немного склонен к „символизму“ и не может называть вещи своими именами. Он говорит „Ежов“, а имеет в виду тот скептицизм, с которым рабочие—марксисты отзывались на разговоры о „возстачии“, могущем произойти в любую осень; он кричит: „Потресов“, а таит в сердце обиду за развенчиваніе всесторонняго „бойкота“; он ругает Череванина, а вспоминает призывы к организаціи, резкую критику „партизанства“, борьбу против „стачечнаго азарта“, увещанія не игнорировать реальнаго соотношенія общественных сил, призывы к теоретическому углубленію своих политических позицій. Это—бунт против Дементьевых, Гвоздевых, Чиркиных, Романовых, Булкиных, Кабцанов и т. д.,—как представителей целаго, в столицах довольно густого, слоя марксистов—рабочих, пытавшихся и пытающихся „ликвидировать“ младенческо—романтическую стадію русскаго рабочаго движенія. В борьбе против этого слоя пробужденные общественным подъемом романтическіе элементы хватаются за люмпенскіе кружки „правдистов“, как за внешнюю силу, могущую придать им недостающую—именно вследствіе их незрелости—политическую оформленность и дисциплину. Не будь этих кружков, они потянулись бы к Плеханову, к лево-народникам, к синдикалистам. Впрочем, если именно правдистское люмпенство притянуло их сильнее, чем могли это сделать Плеханов, синдикалисты и (пока!) народники, то это снова доказывает, что „правдизм“ сам в себе имеет известныя, недостающія его конкуррентам, свойства приспособляемости, делающія его в русских условіях наиболее жизнеспособной из демагогических групп (и это несмотря на испускаемые им „икс—лучи“).

Тов. Булкин не имел теоретической решимости взглянуть в глаза этой истине, этому весьма верному факту серьезной и глубокой идейной борьбы, которая охватывает широкие слоя пролетаріата и в которой он должен будет изжить свои романтическія иллюзіи, ибо нет силы, которая могла бы надолго остановить рост марксизма, марксистскаго соціалдемократизма в раз пробудившемся рабочем классе. Не решившись взглянуть в глаза этому факту, т. Булкин пытается, реконструировав картину движенія, какою она была в 1905—7 гг., искать исхода в организаціи, так сказать, классовой борьбы внутри соціалдемократіи: рабочіе (с марксистской по духу интеллигенціей) против мелкобуржуазных элементов! Тут на первых же порах т. Булкин сталкивается с тем непріятным для него фактом, что эта форма уже предвосхищена... тем самым большевизмом, против котораго он борется. Как все, могущее быть превращенным в якобы—

марксистскій шаблон, и эта формула не без успеха использована „правдистами“. И тов. Булкин начинает с первой уступки им—с признанія некоторой правильности их деленія с.д. фракціи на куріальных и не-куріальных депутатов, с выраженія не-согласія с доводами Ф. Д. С. и других публицистов „Нов. Р. Г.“ против этого деленія. Он делает им вторую уступку, когда источников не чисто пролетарскаго характера современной соціалдемократіи ищет в вліяніи ея в отдельных местах на демократическіе слои избирателей, на тех самых „попутчиков“, которыми Г. Зиновьевы играют для того, чтобы объяснить наличность „ликвидаторства“ в нашем движеніи. Между тем, совершенно ясно, что именно „куріальное“ существованіе русскаго фабрично-заводскаго пролетаріата, то есть его полная общественная и культурная оторванность от других демократических классов,[1]) вырабатываніе им своей политической физіономіи вне повседневнаго общенія и тренія с другими общественными слоями создавало и создает все те предпосылки, которыми питается однобокость и упрощенность его политическаго міровоззренія, сделавшія возможным в 90-ых годах претвореніе в его среде марксизма в „экономизм“, а в 900-ых—в большевизм и неизменно обрекавшія его на роль наковальни для молота демагогіи. Ведь, еще с 90-ых П. Б. Аксельрод подчеркивал и указывал, что выработка действительно классового самосознанія при условіях слабой дифференцированоости общества, пойдет тем скорее, чем успешнее втянем мы передовые слои пролетаріата в те сферы общественных интересов, в которых бьется пульс русской политической жизни; чем, следовательно, скорее удастся нам разбить стену, отгораживающую фабрично-заводскую жизнь от остальной жизни страны. Многое было сделано было в этом отношеніи „Искрой“ и ея последователями; гораздо больше—„инородческими“ с.д. партіями, для которых старалось само правительство: у них с самаго начала этой разобщенности не было, и в значительной мере, этим объясняется другой ход развитія пролетарскаго движенія. У нас и после „Искры“ меньшевикам пришлось опять выдвигать туже задачу и при „земской кампаніи“, и тогда когда они звали рабочих к выборам в Думу и тогда, когда „ликвидаторы“ усиленно привлекали рабочих к участію в „общественных съездах“. Отказом от этой традиціи, тесно связанной с стремленіем отстоять марксизм в рабочем движеніи от всех видов романтической реакціи, является капитуляція тов. Булкина перед „куріальным“ аргументом“. Нет: именно потому, что выборы в рабочей куріи происходят не на почве *классовой борьбы*, вне соприкосновенія пролетаріата с организованными общественными силами, а лишь в плоскости его соприкосновенія с аппаратом полицейскаго государства, как таковым, как аппаратом голаго насилія—именно поэтому, в этих выборах классовое содержаніе выражено лишь элементарно, односторонне, неполно, и постольку ими дается лишь слабая гарантія действительной партійности,

[1]) Кроме политически и культурно—отсталаго крестьянства.

то есть марксисткой устойчивости избранниковъ рабочей куріи, какъ таковыхъ. И именно потому, что выборы по городской куріи, при всѣхъ неблагопріятныхъ для пролетаріата и соціалдемократіи условіяхъ, даютъ возможность болѣе разностороннему развитію классового содержанія политической борьбы,—именно поэтому въ извѣстныхъ случаяхъ с.д.-успѣхи въ этой куріи означаютъ дѣйствительный прогрессъ движенія, какъ движенія классового.

Резюмируемъ: тов. Булкинъ пытается бороться съ большевистской „простотой“ путемъ извѣстнаго „опрощенія“ меньшевизма, путемъ возвращенія рабочаго „ликвидаторства“ къ его провозвѣстникамъ прошлаго десятилѣтія въ лицѣ „антиинтеллигентскихъ“ противниковъ тогдашней партійной организаціи. Но рабочее движеніе дѣйствительно выросло и усложнилось. Орудія идейной борьбы не могутъ браться теперь изъ арсенала первой половины 90-ыхъ годахъ, тѣмъ болѣе, что и противникъ вооруженъ лучше, чѣмъ тогда. Противъ пулеметовъ правдистской демагогіи нельзя идти съ кремневымъ ружьемъ „Рабочей воли“. Идейная борьбы, возникающая теперь въ болѣе широкихъ кругахъ пролетаріата, должна быть изжита до конца, которымъ не можетъ не быть ликвидація политическаго романтизма. Въ этой борьбѣ марксистская рабочая интеллигенція побѣдитъ не какъ фракція, организующая классовую борьбу внутри соціалдемократіи между пролетаріатомъ и мелкой буржуазіей, но какъ авангардъ классовой борьба пролетаріата, мобилизующій его классовой *разумъ* противъ эксплуатируемыхъ извнѣ и извнутри проявленій унаслѣдованной пролетаріатомъ „мелкобуржуазной“ стихіи.

Л. М.

На что они разсчитываютъ?

(*Кадетская дискуссія*).

„Особенность нашего времени“ пишетъ въ „Рус. Вѣд.“ по поводу кадетской партіи В. Маклаковъ,—„броженіе среди единомышленниковъ... Если пресса, которая грѣшитъ скорѣе склонностью скрывать ошибки *своихъ*, рѣшилась высказать неудовольствіе, значитъ неудовлетворенность дошла до того напряженія, когда замалчивать ее только опасно. Наступилъ предѣлъ, когда тайное становится явнымъ...“ Фактъ, отмѣчаемый Маклаковымъ, очень симптоматиченъ. Благодаря наростанію общественнаго движенія и значительному сдвигу въ политической подпочвѣ недавно произошелъ обвалъ—раскололась на три части партія октябристовъ. Теперь по той же причинѣ нарушился внутренній миръ кадетской партіи. Ей не грозитъ расколъ, но распря въ ея рядахъ приняла уже такіе размѣры, что приходится вынести споръ на судъ общественнаго мнѣнія. На вождей нападаютъ въ партіи и слѣва и справа. Лѣвые кадеты на страницахъ хотя и сугубо умѣреннаго, но менѣе „отвѣтственнаго“ либеральнаго органа — „Русскихъ Вѣдомостей“ забили тревогу по поводу того, что кадетская фракція въ Думѣ слишкомъ вяло, слишкомъ неэнергично дѣлаетъ оппозицію правительству. Такіе же голоса раздавались на совѣщаніи земскихъ дѣятелей по адресу дипломатичнаго кадетскаго оратора: „Мы не должны прятать наше программное требованіе всеобщаго избирательнаго права, намъ нужно быть принципіальными“, шумѣли кн. Шаховской и др. Раньше, чѣмъ обнаружилось это недовольство на лѣвомъ флангѣ, подъ вліяніемъ того же общественнаго сдвига, того же наростанія общественнаго движенія, стали раздаваться тревожные гудки на крайне правомъ крылѣ партіи.

Отдаленная перспектива новой „смуты“ всполошила „вѣщаго“ Петра Струве, который по сему случаю началъ кликушествовать на страницахъ „Русской Мысли“. Господинъ Струве тоже хочетъ использовать наростаніе недовольства въ странѣ для „достиженія“ свободы, но свободы, примѣнительной къ... традиціонной власти. По этому сей, нынѣ славянофильствующій, декадентъ торопится преподать свои мудрые совѣты „больной власти“, предлагая ей для исцѣленія снадобье, изготовленное въ „вѣхистской“ аптекѣ.

„Въ 1904—1906 г.г.—пишетъ онъ въ „Русской Мысли“—произошелъ великій переломъ, который состоялъ въ томъ, что интеллигенція въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ химически соединилась съ народомъ... Былое пассивное содружество власти и народа рушилось“. „Это неестественное положеніе власти въ безвоздушномъ пространствѣ чрезвычайно опасно и для власти и для страны“. Отсюда проистекаетъ „проблемма, которая должна быть осуществлена совокупными усиліями всѣхъ прогрессивныхъ и въ тоже время охранительныхъ силъ“—проблемма „оздоровленія власти“. Эта проблемма рѣшается пріобщеніемъ къ властвованію“ среднихъ элементовъ страны“, созданіемъ опоры для власти „въ среднихъ слояхъ, въ земледѣльческомъ (читай—землевладѣлъческомъ! А. М.) и буржуазномъ классѣ“. Задача эта уже поставлена была въ 1907—1913 г. въ эпоху „успокоенія“. „Въ этомъ, говоритъ Струве, было историческое призваніе Столыпина и тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые шли подъ флагомъ октябризма(!)“. „Но эпоха успокоенія была потеряна въ смыслѣ органическаго укрѣпленія власти“. Власть проявила до сихъ поръ еще слишкомъ мало охоты къ „самоограниченію“, ибо она въ борьбѣ съ революціей покинула „нейтральную“ позицію и прониклась „политическимъ направленствомъ“. Отъ этого увлеченія „политикой“, однако, власть можетъ излечиться, ибо „сѣдалище современной реакціи находится внѣ бюрократіи, какъ таковой“; оно находится въ объединенномъ дворянствѣ“. „Въ общемъ и цѣломъ русскій чиновникъ—такой же обыватель, какъ и всѣ прочіе, и поскольку... это обывательство не преодолѣвается профессіонально—служебной тенденціей... бюрократія въ массѣ не идетъ съ реакціей“. Что „оздоровленіе власти“ возможно частично уже сейчасъ, показываетъ примѣръ „либеральнаго“ режима, который утвердился на Кавказѣ при намѣстничествѣ графа Воронцова-Дашкова, несмотря на то, „можетъ быть, именно потому, что Воронцовъ—Дашковъ старозавѣтная фигура“.

Таковъ охранительно-прогрессистскій, бюрократичски-конституціонный рецептъ для обновленія Россіи, прописанный вѣщимъ знахаремъ Петромъ Струве!

Туда же, хотя и болѣе окольными путями, зоветъ сейчасъ кадетскую партію сладкорѣчивый Маклаковъ. „Кто еще не утратилъ“, пишетъ онъ, „если не вѣры (вѣра уже утрачена), то по-